

A still life composition on a wooden surface. In the center is a piece of aged, yellowish parchment. To its left stands a quill pen in a small brass holder. To its right are two lit white candles in ornate brass holders. The background is a textured wooden wall.

**Проба
пера
2014**

Проба пера 2014

Литературный конкурс

Меленки, 2014

Проба пера 2014: Сборник работ по итогам литературного конкурса./МБУК «МЦБ» .- Меленки, 2014.- 50 с.: ил.

В основу данного сборника легли работы, представленные на литературный конкурс под названием «Проба пера 2014». Литературный конкурс организован Межпоселенческой центральной библиотекой.

© Составитель, технический редактор – Цыганова Е.Ю., заведующая отделом обслуживания МБУК «МЦБ»,

© Набор текста, компьютерная верстка – Арефьева А.В., библиотекарь МБУК «МЦБ»

© Муниципальное бюджетное учреждение культуры Меленковского района «Межпоселенческая центральная библиотека»

АЗИЗОВА Екатерина

21 год

*Родилась в г. Худшант
/Таджикистан/*

Открыв учебник ветхий по истории страны,
Увидела картины дней минувших:
Вот Рюрик - первый государь.
Он хоть варяг, но правил он по-русски.
Олег и Игорь. Ольга. Святослав
Святой Владимир, Русь крестивший.
А дальше Мудрый Ярослав и Мономах.
Заветы «Русской Правды» нам давали и детей учили:
Но вот раздор настал, раздробленность пришла, за ней и Иго.
Но народ наш не сдавался:
Мы шведов и Тевтонский орден с Александром Невским били:
С Иваном Калитой собирали дань и умирляли бунт:
С Донским на поле Куликовом воевали:
И Иго вскоре мы разбили на Угре с Иваном Третим.
Затем пришла пора Ивана Грозного и с ним опричнина пришла.
Но что судить? Он ведь собор Стоглав собрал, издал судебник.
И после с ним кончина рода наступила, а с ней и Смута на Руси;
Тогда лжецов мы много поведали, но вновь народ восстал
И яростный пожар души ту Смуту победил.
Романовы возникли на Руси - великий Род.
Там Петр I был, он Русь в Империю преобразил,
И все пути для нас открыл.
За смертью его Дворцовых шквал переворотов:
В одном из них к нам матушка Екатерина прибыла
И навела порядок, все её любили.
Затем война, отечество спасали мы и Бонапарта свергли.
Александр торжествует.
Но умер он и декабристы за бессильный, крепостной народ
восстание подняли;

Повержены они по воле Николая, но Пушкиным великим всё ж воспеты.

Не зря они восстали, уж потом великий император, право крепостное отменил.

Он ряд реформ провел, но в глуши террора всё ж погиб - наш Александр.

И вот уж Николай II, приблизился концу великий род, убит он...
И хлынула Гражданская война, там кровь лилась, и деды наши погибали.

Там брат на брата шёл, чтоб «сказку сделать былью».

И вот пришла война, за ней другая, вторая мировая, борьба с нацистскою чумой.

Страна, мы - победитель, но волей судеб лишь репрессий ряд нам в благодарность.

Но «оттепель» пришла, и поплыли ручьи, за ней уж «перестройки» крыши.

И 90-е лихие, тут наше детство все прошло.

И наступает новая Россия, чего нам ждать, я не пойму?

Я закрываю книгу и вижу вот: история кругом, я в ней живу.

РОЖДЕСТВО

Ожиданьем полны сердца;
На витринах горы подарков.
Но настроения как-то нет.
Да обидная в горле прохлада.

Почему все меняет свой цвет?
Из ярких оттенков, становится мутно серым.
Где игривый тот сказочный свет?
Неужели ушел насовсем ты?

Не хочу я взрослеть!
Не хочу забывать!
Может это и глупо.
Но людей не поймешь:
То хотим повзрослеть,

То хотим молодеть,
В детство хоть на минутку вернуться.
Это старый урок.
Да, известен он всем.
Но скажу на прощанье, однако.
Если вздумаешь в мире ты что-то хотеть,
Не спеши, поразмысли в начале.

САНСАРА

Ангельским крылом
Накрой меня
Белы забери.
Успокой душу...
Так устала душа.
Все по кругу мы ходим:
Пять рождений пройти,
Ничего не узнав.
За страданьем, страдание -
Души наши терзают.
Все виною желания,
Наша страсть и наш страх.
Нет, из круга не вырваться,
Если он не сломается.
Только мир весь разрушится,
Если круг повредить.
Так придется все мучиться,
Ну и ладно, пусть так.

УТРО

Радужные блики на моей подушке
Котик, милый котик, спит, поджавши ушки
Ты вставай, засоня, утро наступило,
Спинку твою солнце ярко осветило.

Корм стоит по мискам,
Чай кипит на плитке,
Яркие конфеты спят в резной корзинке,
Пряники на полке,
Плюшечки на блюде.

От улыбки солнца жмутся твои ушки,
Ты возьми конфету, пряник иль печенье,
Кушай аккуратно вкусное варенье,
Лапки облизни скорей, вот и утро, новый день!

АЛЕКСАНДРОВ
Геннадий Николаевич

54 года.

*Родился в д. Фитилево
Нижегородской области.*

*В 1982 году окончил Горьковский
сельскохозяйственный институт по
специальности ученый агроном. Более 20
лет работал агрономом в совхозе «Тургеневский».*

ВЗАИМНАЯ ЛЮБОВЬ

Когда любовь горит взаимно,
Она живет, цветет и крепнет!
Всегда сильна, гостеприимна:
Для двух сердец она не меркнет!

Нельзя любить односторонне,
Когда ответа нет в помине
И чувства сердце похоронит,
Любовь пусть медленно, но стынет!

Не надо обладать геройством,
Хвалить себя, что ты любимый,
Есть у любви такое свойство:
Она обоими хранима!

Любовь, как солнце, греет жарко,
Когда взаимна и крепка
Она пылает очень ярко
Для двух сердец, наверняка!

Любить друг друга в жизни надо!
Как коротка она, однако,
Когда любимый с вами рядом,
Жизнь будет радостной, со вкусом!

РУССКОЕ ПОЛЕ!

Поле, поле, полюшко!
Стало мне судьбой,
Жизненной долюшкой
Счастьем и бедой!

Было много трудовых успехов,
Напряженных полевых работ,
В поле я влюбился, кроме смеха,
Мне приятно было от забот!

Поле, как ребенок, без ухода
Ну никак не может обойтись,
Это так устроена природа
Мнения здесь не могут разойтись.

Поле наше благородно
Отдает всегда сполна,
Ему вреден бунт народный,
Страшна кризиса волна!

Наступило время сглаза:
Нет внимания к земле,
Никакого нет Указа
Повернуть стрелки в Кремле!

А иначе все насмарку –
Поле будет зарастать,
Потеряет свою марку,
Мелколесьем может стать!

Больно сердцу, душа плачет:
За околицей, на воле...
Тишина,.. а это значит, -
Умирает наше поле!..

НОВОЕ – ЭТО ПРАЗДНИК!

Обновлению каждый рад,
Новое – волнует!
Это знает стар и млад,
В новом – он шикует!

Новый стиль, вам придает
Новая одежда!
Жизнь всегда вперед идет
К новому, с надеждой!

Постепенно убирайте,
Все, что устарело;
И из памяти стирайте,
Все, что наболело!

И, конечно, в Новый год
Будут изменения
Пусть он радость принесет,
Унесет сомнения!

ДВА ГЛАВНЫХ СЛОВА

Как много слов
И добрых и плохих
Содержит наш язык родной!
И трудно выбрать те из них,
Которые нужны тебе одной!

Но я рискну и выберу лишь – два,
Коротких, звучных и неповторимых
«Тебя люблю» - шепнут губы едва
И улыбнется счастье для любимых!

ОБЩЕНИЕ

Общение питает силы!
Общаться нужно, любя!
Приятно услышит: «Милый!
Как рада увидеть тебя!»

Погладить с любовью и лаской
Друг друга – какая прелесть!
И будет жизнь ваша сказкой –
Покинет тоска и ересь!

Не пугайтесь, что кто-то сглазит,
Что-то скажет, чтоб вас унизить,
Чувство счастья вам все загладит,
Настроение Ваше, не снизив!

Берегите своего друга,
Только он Вам согреет душу,
Нежно скажет: «Люблю, подруга!
Как стучит мое сердце, послушай!»

КРАСАВИЦА ЗИМА

Мороз ударил по команде свыше,
Но чуть пораньше снегопадом
Подзавалило домовые крыши
Дороги, все дворы и палисады!

Какую красоту в лесу, в полях, на воле
Природа создала, как по заказу:
Снег серебрится! На душе приволье!
Забыты боли и печали сразу!

Всем людям матушки Земли
Как хочется добра:
Метели б радость намели,
С собою горести забрав!

ЛУГА ПОЙМЫ РЕКИ ОКИ

Мы живем на приокских просторах
В пойме русской реки Оки.
По ней ходят суда на моторах,
И на веслах гребут рыбаки!

Как бескрайны весною разливы,
Когда солнце уже морит,
Островами распускаются ивы,
Придавая лугам колорит.

Много влаги, тепла и света
Благотворно на рост влияют.
Зацветает в середине лета –
Разнотравье: луга сияют!

Красотища! Приятная глазу,
Аромат растекается всюду
Настроение улучшается сразу,
Сколько здесь отдохнуло люду!

Убирались луга на сено,
Их косили всем миром, дружно,
Но настало другое время,
И корма никому не нужны...

Неужели прошла та эра –
Трудов праведных на земле –
И с крушением СССР
Позабыли деревню в Кремле?!

Зарастут все луга бурьяном,
Пойма будет уже не та!
Забудут люди о запахе пряном
И наступит в душе пустота!

**РИВЕРС (Жукова)
Ирина**

*На самом деле меня зовут
Ирина Жукова, но пишу
стихи под псевдонимом
Ирина Риверс. Так мне больше
нравится. Первые строки нацарапала
ночью, под влиянием первой сознательной
любви в возрасте 14 лет, теперь мне уже
19.*

Ждать безнадежно,
Протирая джинсы,
Писать записки,
Вытягивая рукава.
Это, конечно, можно
При розовых линзах,
Когда кто-то близкий
Покинул тебя.
Когда летом - стужа;
Когда в мире шуток,
Задора и смеха
Тебя предадут.
Когда тот, кто нужен,
Кидая окурки,
Навечно уехал,
А ты ещё тут.

А за окном снег кружит беспорядочно,
Словно мои мысли в голове...
Да, её сегодня сильно озадачили.

Любовь! Благодаря тебе, тебе!
И на лице моём написано «Упадочник»,
А всё вокруг в тумане, как во сне...
А он, поэт или тетрадочник,
Не знает, что давно живёт во мне.
А я узнала, что с улыбкой мои ямочки
Надолго укрепились там, в его стихе...

СЛУШАЙ, МИЛЫЙ

Слушай, милый, тебе явно нужна другая:
Сильнее, серьёзней меня и немного старше.
Точно не я, что пускает кораблики в лужах в мае.
Точно не я, хотя... не была я вашей.

Слушай, милый, только давай без обиды?
Скажем, друг другу слова "Прощай" и "Прости"
Будем жить в поисках новых жизненных гидов,
В лучшем месте выпустим мы шасси.

Слушай, милый, слушай, пока не поздно!
Выбери ту, в ком огонь уже долго горит.
Вместе вы будете яркие звёзды,
Вместе со мной - то ли нянька, толь сибарит.

Мне уже даже не холодно -
Гипертрофия органов чувств.
Да ты ж знаешь меня наизусть!
Зачем же мне повторятся?
Говорить, мол, всё хорошо,
Запираться, плакать ещё и ещё.
Зачем же вообще слова?
Достаточно только тирады

И делайте вид будто рады.
Я почти не дышу,
Какой уж там флирт!
Пусть хоть сам кислородный мирт.
Я почти не живу:
Я уже не вдыхаю,
Я уже пробегаю по краю.

Девочка, ты ж не знала, что он не один...
Прибежала и ему закричала о чувствах,
Да, конечно, навеки он твой господин,
И слова его горячи и едки, словно уксус.
Ты не думала даже, что он снова с ней,
А ты была только катышком на одежде,
Ты не можешь радоваться, что они сильней,
Хоть бежала к нему, излучая нежность.

И только потом понимаешь, что не нужна...
И что все эти дни не на самом деле,
Что одна осталась на острие ножа,
Что ты живой труп или скоро будешь прострелен.
Ты в пути, но не знаешь куда идёшь,
Остро чувствуя боль оторванного фантома,
Мир унылый, мир - серый дождь.
У тебя словно нет ничего, даже дома.

Он был всем для тебя в этой грёбаной жизни,
А теперь ты грязный, никому ненужный, бродячий пёс.
В треугольнике этом теперь точно ты лишний.
Девочка, здесь жестоко - не нужно слёз.

Моими словами, как лезвием вспорот;
Он холодным утром покинул город,
Нервно теребя рубашечный ворот,
Не услышав моё "Вернись..."
И сколько же стоит моё "Люблю"?
Такое вряд ли найдёшь по рублю...
Оно без наценок, оно не б/у,
Просто оно на обочине.
Его не излечишь дрянью аптечной,
А наше время так быстротечно.
И быть упрямой, нет сил, конечно.
Найду ли я свой антифриз?
Куда мне идти, обивая пороги?
Я сбилась... Одна... одна у дороги,
И что получу я в итоге?
Что-то покрепче вина и пощёчины.

СЕСТРЕ

И уже опять по ней я скучаю...
Вот только вышла она, дверь захлопнула;
Видно ещё снег падает хлопьями,
Пока я чай слезой разбавляю.

Уезжает она, чудачка рыжая;
Не видимся долгие месяцы...
Как мне с тоски не повесится,
Когда так далеко моя ближняя...

Приезжай, я тебя на вокзале встречу,
Напою крепким кофе, и до утра
Говорить будем, пока не поймём, что пора
Утром спать ложиться, задувая свечку...

БЕЗ ЗАВТРА

Первый день я живу в одиночку,
И, увы, Робинзоном без Пятницы.
Твоё имя на каждой строчке
Стержнем ручки моей растекается.
И теперь только жирная точка -
Моё имя уже там не значится.

Первый день я живу без завтра;
Я его поминаю утром.
Мой мирок так скончался внезапно,
И не важно, что он был трудным.

Я любила ведь жизнь! И так страстно!
А сейчас я стою у обрыва.
Эти чувства должны быть прекрасны -
Для меня они спичка с бензином.

В тебе столько любви, что и сам не рад,
Поделился ею со своей блондинкой.
А она через месяц тебе котом на ботинки,
Не заметит, в общем, что ты человек-клад.

Ну, давай беги, падай к ней в ноги,
Умоляй, проси, убивай себя.
Если вдруг она безоружная, может,
Хотя о гуманности здесь говорить нельзя.

И ты, получив отказ, запирайся в квартире,
Или скорее ступай в подворотню со всеми квасить,
Проклинай любовь и мир во всём мире.
Замыкается круг. Забывается счастье.

Забери его из моей головы, чертовка!
Принеси для него большого большого чемодан.
Он для меня опрокинутая подковка,
Но не надейся только - я не отдам.
Возьми его лишь на время, в зимовку,
Чтобы я точно знала, что сыт и одет он там.

А весной я снова его под свою жилетку,
Ему снова будет также тепло, как и раньше было,
Он ведь ребёнком неловким, из клетки
Выпорхнет и расправит свои широкие крылья.

Пусть чёрной кошкой вцарапался в душу,
Зато цветным мелом раскрасил будни.
Себя пыталась я сделать лучше,
Но только всё забывалось утром.
Ты тёплой ладонью ласкал мне кудри,
Мне было страшно, что ты так нужен!
И ты собой, как плед верблюжий,
Скрывал меня от разных бунтов,
Я понимала, что безоружна,
Что полюбила, что не забуду...

Он играет, как кошка с мышкой,
Знает ведь, что я бабочкой на огонь.
Больше мне не протянут ладонь,
Разве что кинут меня подмышку.
Наверняка знаю, боль меня ждёт,
Но при случае снова к нему на шею;
Я обгораю, ломаюсь и тлею,

Но чувства эти дают мне заряд на год.
Ведь бросят потом на ближайшей скамье,
Листами осенними ветер погладит,
А если бы вдруг я стала тетрадью,
Каракули ставили б дети на мне.

Но я что-то вроде угля и пепла,
Которым дороги посыпают в морозы,
А в рукаве у него всегда козырь,
И из воды он выходит сухим и светлым.

А я запачкана – чистоты нет на теле
И душа стала цвета желчи,
Но ко мне его руки на плечи –
Я убита опять, а он – целый.

Нужно было раньше всё прекратить,
Не жалить друг друга, посылая к чёрту.
И одновременно для него только жить.

Нужно было раньше разорвать нить,
Пока это не вошло в привычку, как морфий,
Чтоб не присутствовать там, где сейчас будешь гнить.

Нужно было перестать желать,
Схорониться, наблюдая со стороны:
«Правда ли он будет одну меня только ждать?»

Нужно было на другую волну,
Новый услышав звук, слова надежды полны:
«Я никогда не оставлю тебя одну...»

Кто подсказывал мне, что делать вдруг,
Со мной говорил во сне, за спиной.
Мы теперь никто; он теперь даже не друг.

Нужно было заставить себя понимать,
Отчитаться что вообще с душой...
Ведь сейчас так тянет его обнять!..

Когда надежды лопаются, как петарды,
Как шары при контакте с иглой,
Чему верить, чему доверять тогда надо?
И перед кем с душой наизнанку и мыслью голой?

Когда всюду брань, вездесущие маты...
И некого целовать летним утром,
Когда понимаешь, что снова одна ты:
Нежный десерт, испорченный сухофруктом.

Когда окружавшие теперь лже- и недо-
И им не понять, почему ты такая разная,
В тебе просыпается мысль - твоё кредо:
"Когда я одна, я всё же немного счастлива..."

Октябрь 2012

Я проснулась утром с трубкой в руке.
Телефонной, конечно, хотя лучше б с табачной.
Ведь хочется в жизни его хоть что-нибудь значить,
А не держать палец почти на курке.

Хочется просыпаться под запах кофе, его парфюма,
Теребить пряди его волос, пить вкус его губ.

Почему же я всё-таки плакальщик - однолюб?
Почему Господь Бог не дал права выбрать побольше изюма?

Как у Веры: "Я большой измученный кит - касатка...",*
Так я, давно потерявший мечту.
И каждому нам по делам, когда перейдём черту.
Ожидай ласк старушки Искры** иль шоколадку.

В ожиданье вестей от него пробегают всё новые сутки
(Почти 300 вольт ежечасно ломают - бьют).
И меня поглощает он - безжалостный спрут;
Он смеётся ещё, считая, что это шутки.

Да я люблю тебя. И нет ничего хуже.
До холодов потерплю ещё, а потом не смогу - замёрзну.
И меня согреть, увы, будет поздно.
И тогда никто мне не будет нужен.

**Строка из стихотворения В. Полозковой*

***Название электрического стула из книги С. Кинга "Зелёная миля"*

РЯБОВ Александр

15 лет

Родился в г. Меленки.

Начал писать стихи в 14 лет, люблю Есенина. Первые строки были написаны ночью, от осознания, что прошлое уже не повторится.

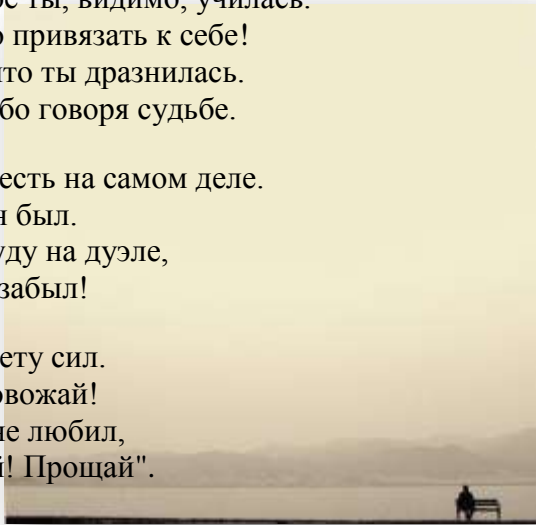
"Прощай, наипрекраснейшая муза!
Свои творения сложу в дубовый гроб.
Я много представлял с тобой иллюзий,
Но, видимо, пришла пора сказать мечтаньям стоп!

Я так хотел с тобой всегда быть рядом,
И кожу твою нежно улаживать.
Теперь тебя я провожаю только взглядом,
А мог в обнимку вечерами провожать!

Меня притягивать к себе ты, видимо, училась.
Нельзя же так случайно привязать к себе!
А я тогда не понимал, что ты дразнилась.
И бегал за тобой, спасибо говоря судьбе.

Теперь я понял, кто ты есть на самом деле.
И для чего тебе я нужен был.
Сражаться за тебя не буду на дуэле,
Ведь, я тебя давно уже забыл!

Терпеть твои издевки нету сил.
Я ухожу, прошу, не провожай!
Ведь я тебя так искренне любил,
Ну, а теперь — Прощай! Прощай".

Всю прожитую жизнь я чуда ждал,
Но черпал из нее лишь главное,
Мой разум, словно вечный двигатель пылал,
И сердце было с детства благоданное.

Теперь уже не те лета,
Чтоб в жизнь идти, не зная брода,
Теперь от чуда не осталось и следа,
В почете ныне лишь свобода.

Не буду больше душу воспевать,
Ведь все покрыл собою мрак,
Не буду больше от любви страдать,
Теперь я думаю вот так:

"И пусть, я полный ноль и никому не нужен,
Пускай меня ни разу не поймут,
Но верю, что уже не будет хуже,
Ведь наступает потихоньку время смут.

Правительство. Для нас оно закрыто,
И только чуть реформ повеет холодок,
Как тут же все становится забыто,
И появляется самодержавия клинок.

Клинок, из-за которого Россия,
Такая сильная могучая страна,
Становится всемирным образцом бессилия,
Насытившись изнеможением сполна.

Образование. Зачахло и разрушилось.
Сейчас детей не учат ничему,
Лишь, чтобы все беспрекословно слушались,
И оды пели делу твоему.

И правда, стоит лишь задуматься,
О том, что лучше может быть,
Как сразу, планы твои рушатся,
О власти, прочную как струны, нить.

И остается нам лишь жить и уповать на чудо,
Что хоть когда-нибудь оно произойдет,
И все мы, наконец, вздохнем широкогрудо,
И жизнь наладится, и все пройдет."

Быть может разум мой пробудится
И не позволит мне застрелиться,
Быть может снова смогу влюбиться
И перестанет душа томиться.
Быть может смогу, наконец, одуматься
И пусть у влюбленных желания сбудутся.
Пускай так и буду я тлеть в одиночестве,
А мне и влюбляться даже не хочется...
Ведь, Вы все такие прекрасные
Милые, добрые, страстные,
А я как всегда неправильный,
Дурною славой прославленный.
И пусть мой рассказ будет повестью,
Но я теперь с чистой совестью...

**СУВОРКИНА
Мария**

14 лет

*Я родилась и живу в
деревне Кононово*

Меленковского района

*Владимирской области. Закончила 8
классов Дмитриевогорской средней школы. Мои любимые
предметы русский язык и литература. В свободное время люблю
читать стихи А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова. Пишу стихи.*

МОЙ ОТЧИЙ ДОМ

В России много мест красивых,
Мой край родной – частица той земли.
Здесь отчий дом, и дом моих друзей,
Здесь школа та, которую когда то
Мои родители закончили, а я учусь сейчас.
Здесь солнце для меня как будто ярче светит
И небо, кажется как будто голубей.
Здесь всё, что дорого мне, свято.
Поля бескрайние, и матушка – Ока,
Здесь хвойный лес и множество зверья.
Здесь ручеёк для сердца мне родной.
Я с ним, о сокровенном мне, шепталась.
Берёзовая роща над водой,
Здесь чистый воздух, родники родные.
А люди здесь, а люди здесь какие!
Они добры, чисты душой, трудолюбивы.
И каждый сельский дом распахнут для гостей.
В России много мест красивых,
Мой край родной, милее нет земли.

Мой край - моя деревня.
Где я родилась и живу.
Где красота кругом такая

И не во сне, а наяву.
Смотрю я из окна: вот озеро синеет.
А рядом через дорогу
Озимое поле зеленеет.
У озера рощица.
Берёзы склонились к воде.
Такой красоты - не найдёте нигде.
Выйду в сад: яблони под тяжестью яблок,
Согнувшись, стоят.
Выйду на улицу, посмотрю кругом, постою.
Счастье какое: жить в этом краю!

НЕМНОГО О ВОЙНЕ

22 июня.
Помним эту дату.
Моя бабушка Вера
Не видела своего папу.
Он ушёл на войну,
Он с войны не пришёл.
Беда пришла в дом,
И слово «папа» никогда не звучало в нём
Мы помним эту страшную дату.
И я хочу, чтобы никогда не было войны
И не погибали папы.

Был у мамы дедушка -
Фёдором звали.
С боями прошёл он войну.
Был дважды там ранен,
Награждён орденами,
Со смертью встречался в бою.
Шагал он от Курска,
Дошёл до Берлина,
В пути слыша стоны и плач.
Деревни горели, и люди молили -
«Гоните фашиста, бежит пусть он вскач».

А на глазах умирали товарищи
В жестоком бою за село.
И было там страшно,
Но шли и хотели
Дойти до границы в бою.
Прогнать злую нечисть,
Очистить Россию свою!
Чтоб не было больше смертей и насилья,
Чтоб дети смеялись, росли, и выросли,
И помнили эту ВОЙНУ!

МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ СОЧИНЕНИЕ

КОРМИЛИЦА ЗЕМЛЯ

Свою любовь к земле родной
Не передать красивыми словами.
Земля-кормилица, твоею красотой
Уж восхищались многие веками.
Любуюсь бесконечными полями,
Засеянными рожью и овсом.
Я вспоминаю бабушкин рассказ
О сельской доле.
Как, поутру, в поля ходили,
Как песни пели, рожь косили.
И, потемну, уставшие брели домой.
С утра же вновь всё повторялось.
И снова шли, и снова пели,
И снова рожь косили и терпели
Всю тяжесть сельского труда.

И так вот жили, и добрее были.
А в выходной по ягоды и по грибы ходили,
Водицу с родника носили, детей растили.
Ну, просто складно, дружно жили.
Прошло то время, минуло в века.
Ну, а земля и по сей день
Нам дарит урожаи зерновых.
Вот только мы не говорим «спасибо»
За хлеб, который на столе,
За каждый день, прожитый на земле.
Мы очерствели в суете своей.
Давайте радоваться жизни,
Дарить добро и в бога верить,
В труде растить детей.
И не жалея, отдать последнее порой.
И не роптать на будни суетные.
И я уверена, мы сбросим все недуги
Воспрянем духом, верой укрепимся.
И по достоинству оценим Кормилицу свою.

ЕРШОВ
Виктор Евгеньевич

57 лет
Родился в г. Муроме

***ВСТРЕЧА НОВОЛЕТЬЯ
В ИНЕВЕЖЕ***

Историю, которую я Вам поведаю, произошла несколько веков тому назад в сельце Иневежа. Данное сельцо по мерам того времени, когда край только - только начал восстанавливаться после лихолетья, считалось не малым. Несколько дворов свободно размещались вдоль речки Иневежа, которая петляя, выделялась среди них порослью невысокого ивняка. Сразу же за огородами, огороженными пряслами, простирались заросли хвойного леса. Единственная проселочная дорога, соединяющая его с остальным миром, выходя из поселения, терялась среди высоких мохнатых елей, изредка прореженных белыми, местами покрытыми мхом, стволами берез, зарослями орешника и рябины. На противоположном берегу на опушке, площадью не более чем в две четверти, издали выделяясь на фоне темно-зеленного лесного массива, стояли золотистые, еще не убранные в амбары после жатвы, снопы яровых.

Посереде сельца, в том месте, где речка делает крутой изгиб, за тыном стояла усадьба помещика Ивана Апраксина. От прочих крестьянских дворов его двор отличался размером, он был крупнее раза в полтора, и новым срубом. Постарался еще его отец Федор в конце прошлого века. Рядом с двором стояли клетки, сенник, мшаник, конюшня и хлев.

Первый день месяца «жовтень» для Васьки Апраксина начинался так же как и все предыдущие. Поутру, спустившись по лесенки с сеновала, он, пригнув голову, через дверной проем, вышел из сенника, в который пришел далеко за полночь. Здесь, утонув в свежескошенной, еще пахнущей лугами траве, Васька вспоминал события прошедшего дня и вскорости засыпал.

На дворе стояла такая гробовая тишина, которая может быть только утром. Отец с матерью и старшим братом Карпом еще с вечера укатили к дядьке Семену в Копнино. Сказали на службу в местный храм. Дворовые, озадаченные еще накануне, не спеша сновали среди построек. Выйдя со двора, Васька подумал:

-«Сегодняшний день будет необычным, как ни как праздник Семена - летопроводца, будем провожать лето и встречать зиму. Вот уж потешимся» - и, предвкушая веселье, неспеша направился к речке.

Низкий молочный туман над речкой Иневежей, постепенно рассеиваясь, тонул в водной глади. Над прибрежным редколесьем разносился крик бекаса - «таку, таку, таку...». Багряная полоска рассвета, разрастаясь и светлея на глазах, поднималась поверх темного соснового бора. Словно потакая лесной дичи, со стороны дворов доносилось многоголосье петухов.

Усевшись на корточках прямо у речки, наблюдая стремительное течение воды у берега на повороте, он вспомнил рассказ деда Федора о том, что еще в прошлом веке они с проводами зимы после месяца «сухого» накануне великого поста встречали новый год. Тут Васька представил себе то время:

-«Только что оттрещали зимние морозы, умчались вдаль холодные, пронизывающие насквозь вьюги. В полдень под лучами яркого солнца потекли сосульки, орошая еще замерзшую, покрытую снегом, землю каплями прошлогодней воды. А следом наступало «пролетье» и грядущие праздники авсень, овсень или тусень».

Посмотрев вокруг, словно сравнив то время с сегодняшним, он заключил: - «Сегодня же правим по-другому. Провожаем лето и встречаем «новолетье»».

В свои полные четырнадцать лет Васька считался недорослем. Уже в следующем году его будут верстать в новики, и он выйдет на службу. Ваське казалось, что время течет очень медленно, а ему нестерпимо хотелось, что бы быстрее наступил тот день, когда князь воевода запишет его в разрядную десятню и назначит оклад. Вот уж тогда он посватается к красаве

Парашке Мещериновой, этой заносчивой девке, которая нос воротит при встрече. Васька представил, как он, гарцуя на вороном коне, предстанет перед ее двором в байдане, надетой поверх тягиля, держа в руках бердыш. Все это отец обещал справиться ему уже в эту зиму. Может быть тогда - то Парашка перестанет засматриваться на Иванка Плещеева, уже повоевавшего с ляхами и хвалившегося на каждом углу о том, как самолично срубил усатого пана.

В это время со стороны дворов стали доноситься говор и разнообразные шумы. Вспомнив о предстоящем праздновании, Васька, поднявшись с земли, сорвал тонкую лозу и, помахивая ею, направился ко двору. Верстание было не за горами, поэтому думы о предстоящей службе не покидали его голову. Как же Васька сожалел о том, что их род занимает не высокое место в городе и был нечета высокоместным Елизаровым, Борисовым, Осорьиным. Именно поэтому его не определяют на службу в «государевом дворе». Еще дед, говоря о том, что на царской службе было много Апраксиных, среди них и отец Василия Иван с его старшим братом Карпом, сокрушался по поводу того, что служили они все только в городских. Хотя при этом некоторые из них занимали важные места в губной избе. Например, еще в начале прошлого века дядя Прокофий был аж городским приказчиком в Муроме. По его стезе позднее пошел и отец Василия Иван.

Вслух же он произнес:

-«Ладно, мы тоже не лыком шиты».

По запылившейся пролетке, стоявшей у ворот, Васька понял, что отец с братом уже на дворе. Выпряженный конь сивой масти по кличке «Лошак», мотая лохматой гривой и помахивая долинным хвостом, спокойно пасся на недавно скошенном лугу. Предвкушая трапезу, а более рассказы отца, Васька вошел в избу и сразу же окунулся в атмосферу праздничной суеты. На середине избы стоял длинный скатерный стол. Отец, сидя с Карпом на лавке, всю беседовал с местными мужиками, стоявшими у стен. Матушка с бабами сновали в закут и обратно и заставляли стол блюдами с разными закусками. Тут были из ячменя кутья сочельническая и томленая каша, и масляные

блинчики, и свекольный салат. В братинах пенилось пиво, а по ведерным ковшам были разлиты кисель и компоты. Но место в центре стола до поры до времени оставалось свободным. Отец, взирая на мужиков и разводя руками, продолжал начатый ранее рассказ:

-«Князь Михайло Волховской сказывал, в прошлом году в праздник Симеона первого столпника сам видывал, как в Москве царь Михаил со святейшим и боярами вышел на «Красную» площадь, поздравлял народ с новым годом и просил Божьего благословения во всех добрых делах. Народ отвечал: «Аминь! Аминь!». А колокола то на Покровском храме так и звенели весь день».

Мужики, слушая отца, лишь потирали руки. Только староста Клим, здоровенный, возрастной, из местных крестьян, сокрушался:

-«Вот бы нам туда-ть. Поглядеть бы на государя великого».

-«Ладно, мужики, покалякали, да пора и за стол. Агафья, подавай-ка нам кабанчика. Чай заждались гости» - обратился отец к матушке.

Васька, прислонившись к бревенчатой стене, стоя ожидал выход матушки. Для него предстоящее было не в новинку. Из года в год она в этот день ставила на стол жареного поросенка. Васька припоминал, что даже в недалеком прошлом, во времена мора, когда наступила бедность, этот обряд соблюдался.

На вопрос не наедавшегося вдоволь сына:

-«Матушка. Зачем мы собираем соседей и угощаем их нашим кабанчиком, когда самим нечего есть?».

Она отвечала:

-«Так заведено из древне. Мы всем миром отдаем почести старому году, в то что не оставил нас без еды».

Его воспоминания прервал величавый выход из закута в сопровождении баб матушки, несшей на медном расписном подносе жареного, светящегося золотистыми масляными боками, кабанчика. Одна из баб, высыпав на середине стола зерна, торопливо выложила из них сначала крест, а затем вокруг него круг. Именно на свободное место рядом с кругом матушка и поставила свою ношу. Запах жаренного молодого мяса

распространялся по избе, возбуждая аппетит. Васька глубоко вдохнул и почувствовал, как у него протяжно засосало под ложечкой и зарябило в глазах. Отец чинно занял место во главе стола, посадил по обе стороны от себя сыновей, и обратился ко всем:

-«Почто, стоите. За стол надоть».

Под галдеж, шум скамей и скрип половиц люди заняли места за столом. Бабы подали кутью, первому отцу, затем всем остальным.

Отец, встав со стула, погладив ладную, местами поседевшую бороду, перекрестился - «Отпотчивай, мужики».

И застучали ложки по чашкам, полилось пиво по чаркам. Захмелевшие мужики повели застольные разговоры: о покосах, жатве, предстоящей зиме. Боялись, как бы беды не случилось. Натерпелся народ с начала века. Но вот с самого краю стола донеслось:

-«Что-де нынешние времена. Нам-де те бояре ноне не подобны». Отец осенил разговорившегося мужика:

-«Иванка, пей-де пиво, а про бояр-де нам теперь говорить не надобно».

Васька между тем, почувствовав полное насыщение, запил кабанчика разваристым ягодным компотом, и воспользовавшись тем, что отец песочил бобыля Ивана, встал из-за стола и вышел на двор. Солнце уже перевалило на вторую половину своего дневного пути, но продолжало, хоть и без особого жара, согревать землю.

Он вышел со двора и присел на невысокий пенёк, оставшийся после многолетней липы, сваленной им вместе с Карпом как раз накануне покоса. Еще в прошлое лето после попадания в дерево молнии оно сгорело. И обгоревший ствол, как огарок свечи, торчал на полянке, пока отец не велел его срубить.

Как раз в это время к Василию, запахивая на ходу разметающиеся поля однорядки, подошел крестьянский сын Назарка, которого в сельце с недавних пор называли «Чубатый» за его рыжую шевелюру. Сквозь длинную челку его темные глаза горели, как два огонька. Назарка слыл баловнем, редкая

проказа обходилась без него, поэтому горящий взгляд лишь подтверждал наличие в голове у этой рыжей бестии замысла.

Присев на землю, рядом с Васькой, старательно придерживая что-то за пазухой, Назарка изрек:

-«Почто сиднем сидишь, Васек. Чему в печали».

Достав из-под однорядки сарафан, он поведал Ваське, что вечером облачится в эту одежку и пойдет по дворам колядовать. С надеждой посмотрев на Ваську, спросил:

- «Что де, пойдешь петь тусень?»

Васька, усмехнувшись, вспомнил как в прошлом году на новолетье, они ряженные гурьбой бегали по дворам. Тогда он облачился в извлеченный из ларя старый дедовский весь латаный - перелетанный зипун, который доходил ему до пят и очень мешал при ходьбе. Правда, в нем, по словам того же «Чубатого», Васька походил на нежитя, якобы встречаемого в «гнилом» лесу. Отроки и девки, входя на двор, спрашивали дворовых: «Дома ли хозяева?». После чего начиналось веселье. Как правило, в ответ звучало: «Дома нет». Следуя обряду, ряженные не унимались: «Где же хозяин? Уехал на торг, соли купить. Для чего соли? Мясо солить. На что мясо? Сына женить. На что сына женить? Чтобы пашеньку пахати, хлеба промышляти». Но не было случая, что не прошенные гости уходили без подарка.

Назарка, сидевший безмолвно, вдруг вскочил и, изобразив всадника, стал прыгать вокруг Васьки. Тот, зная «Чубатого» как затейника, спросил:

-«Почто гарцуешь?»

И тут Назарку словно прорвало.

-«Васек, вспомни, как - де в прошлом годе «кобылку» повадивали. А чему теперечь не поводить».

Да, было о чем вспомнить. «Чубатый» держа в руках покрытые попоной двухконечные вилы, изображал лошадь. При этом его задорное ржание, более подходящее на рев ... разносилось над всем сельцом. На плечи ему посадили малолетнего Иванка, сына бортника. В руки отроку дали палку, которой он так шибко размахивал, что несколько раз попадал по своей «кобыле». Назарка кричал на него:

-«Почто машешь. Сиди тихо,» - но продолжал скакать, разгоняя своими криками пасшуюся на поляне скотину, пока «кобылка» не налетела на годовалого борова бобылихи Орины. Тот боров от перепуга, хрюкая, сиганув в сторону толпы, наблюдавшей это представление, опрокинул Ваську, наряженного в зипун, и, натянув на себя чей-то брошенный плат, под улюлюканье отроков засеменял в сторону совка. Весь год в сельце вспоминали, как Назарка «кобылу водил».

Из-за речки потянуло прохладным ветерком. В то же мгновение заколыхались ветки молодых лип, и задрожали листья на них. Темная грозовая туча, словно опускаясь на землю, приближалась к сельцу. Солнечные лучи уже с трудом пробивались через нее, в один миг потемнело.

Васька поднялся с пня, потянувшись, посмотрев сверху вниз на младшего Назарку. После чего хлопнул того по плечу и сказал:

-«Повечеру сладим» - пошел на двор.

Глухие удары о землю первых капель дождя, заставили Ваську поспешить. Назарка, прихватив сарафан, мелькая пятками, бегом улепетывал в сторону своего двора.

Когда Васька вбежал на двор, дождь уже всю поливал землю. Матушка встретила его в сенях. Стащив с сына обычную, на каждый день, сырую рубаху, она подала ему нарядную, расшитую рисунками, косоворотку. Раньше при таких обстоятельствах, она бы нежно потрепала сырую шевелюру сына. Но сейчас, когда он ждал выхода на службу, постеснялась это сделать и просто обратилась к сыну:

-«Чему сынько не скажешь? Кудать на вечерку собираешь? Аль изволишь в гумно?» Васька ничего не ответил, а лишь бережно обнял ее плечи. Все и так было ясно. Как только стемнело, ряженные отроки и девки со всех дворов, словно пчелы к летку, потянулись на окраину сельца, туда, где стоит покосившийся двор, приспособленный крестьянами под гумно. Туда же, накинув поверх красивой рубашки рваный - прерванный отцовский тулуп, отправился Васька. В отблесках пламени большого костра, разведенного тут же на небольшой поляне, возникают и тут же пропадают силуэты леших, ведьмы, чертей и

прочей нечестии. Среди этого шабаша сначала тихо, а затем все громче и громче зазвучали девичьи голоса:

-«Сёння у нашай вёсцы свята, выносяца лыжкі ды талеркі, ежы на сталах багата, напоены питвом куфалькі».

Тут, в образованный на поляне круг, вышел Назарка с соседским отроком, прозванным в сельце «Репей». Парни взяли по девушке и, держа за руки, стали водить их по кругу. Вслед им в круг стали выбегать и другие. Вскоре вся поляна заполнилась движущимися парами. Васька высмотрел среди стайки девок Парашку и, поправив сползающий тулуп, который ему был явно не по плечу, подошел к ней. Горящие озорные глаза красавы обожгли Ваську словно кипятком. Почувствовав в своих руках теплые ладони Парашки, отрок совсем онемел. Куда-то подевалась его бравада и прежняя мысль покорить строптивую девку. Вечеринка же шла своим чередом. После песен играли в соседей, в мельницу. Пока на поляне не появилась «бабка-позыватка». Узнав ее по известному особому наряду, девки принялись угощать ее, потому что каждая знала, что ходила эта бабка не просто так, она высматривала невест. Парашка, последней подойдя к ней, отдала узелок с орехами и пряниками и проговорила:

-«Се, бабушка, взими, не серчай, да будет внучкам твоим зубки унять, да тебе нарадень».

«Бабка-позыватка» получив подарки, ответила:

-«Надобно, матушка моя, благодарствуем».

И ушла с поклонами. Вечерка закончилась поутру, с первыми криками петухов. Над сельцом медленно, словно еще не привыкнув к новому году, вставало солнце. Вместе с ним в Иневежу пришло новолетье.

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

Еще в начале весны мой знакомый, назовем его Дмитрий, рассказал о своей поездке в один из районов области, куда его привел поиск дешевого сруба. Особенно он восхищался чудотворным источником, к которому его провел местный житель. Представив обычную небольшую деревню, тропу, ведущую сквозь чашу к роднику и журчащую прохладную струю воды, уже тогда решив посетить это место, я договорился с Дмитрием съездить туда, как

только просохнут дороги. Условно между собой мы назвали это место «медвежьим углом».

Сразу же после майских праздников, без долгих сборов, прихватив с собой немного съестного и, конечно же, фотоаппарат, мы отправились в путь. Первая половина пути проходила по вполне сносной асфальтной дороге, петляющей в лесу. Местами вдоль дороги на опушках стояли деревеньки. Правда эта дорога закончилась сразу же, как только мы проехали небольшой провинциальный городок, в котором, если судить по колледжу, проживали металлурги. Если быть точнее, то хорошая дорога закончилась еще на окраине того самого городка. По разбитой, латаной-перелатаной трассе, можно было ехать лишь со скоростью трактора, и поэтому было непонятно, зачем здесь смастерили лежачих полицейских. Но это нас несколько не пугало, ведь впереди, как говорил Дмитрий, нас ждал «необычный мир людей, далеких от цивилизации и ее пороков».

Он оказался во многом прав. То, что мы увидели дальше по пути в «медвежий угол», можно было расценивать как проявление прогресса, но уже в рамках скудной действительности. Сколько живу, еще ни разу не видел ремонт асфальтной дороги с помощью шлака. Рабочие в оранжевых куртках суетливо забрасывали его в выбоины на дороге. Среди них, рыча моторами, сновали погрузчики.

-«Смотри, смотри. А этот что тут делает. Деньги закатывает?» - буквально прокричал Дмитрий. Рядом с нами, гремя металлом по разбитому асфальту, проехал каток. Новое время - новые технологии. В моем городе дороги латают кирпичами, а здесь шлаком. Хотя наверняка лучше это делать асфальтом.

Дальнейшей путь пролегал по грунтовой, ухабистой дороге, петляющей среди пролесков и полей.

«Вот говорят, что только в России такие кривые дороги. Как думаешь почему?» - Спросил я, прервав рассказ знакомого о жизни староверов и ведах, которые, оказывается, много предсказали о современной жизни.

Привычный находить быстрые ответы, он ни сколько не задумываясь, произнес:

-«Все очень просто. У нас земли много. Экономить ее не надо. Вот и петляй, сколько хочешь».

Так мы и петляли, следуя, по всей видимости, беспечности наших предков. Пока рядом с дорогой не возник дорожный знак с надписью «Пустынь». Не знаю как у Вас, но у меня при виде таких названий сразу же возникает образ старой деревянной, почерневшей от времени церкви, с одной, покрытой замшелым лемехом, главкой. Рядом с ней в полуземлянках ютятся, одетые в рубища, обутые в лапти старцы. И всегда один вопрос мучил меня:

-«Что побудило этих людей на такое житье: глубокая вера, отчаяние или что-то другое?»

Дорога сделала крутой поворот, и перед нами открылась небольшая поляна с высоким, деревянным храмом. Его свежий сруб сиял своей новизной на фоне вечно зеленого леса и нескольких посеревших домов, обустроенных здесь еще в прошлом веке. Один из них, лишенный крыши, с темной пустотой оконных проемом, обрамленных облезшими наличниками, словно слепой старец, притулился рядом с окрашенным в зеленый цвет забором, отделяющим церковь от деревни. Мельком успеваю разглядеть надпись на калитке: «Частная собственность».

Однако ж история повторяется. Богатые ставят свои храмы. Лишь журчание неширокой речки, воды которой слабо просматривались сквозь кустарник, отделяющий ее от дороги, вывело меня из раздумья. Сопровождаемые легкой прохладой, мы небыстро, объезжая рытвины, удалились от пустоши.

Недаром люди называют этот край краем рек и озер. Ибо скоро перед нами во всем своем природном естестве предстала сверкающая рябью, с небольшими разводами омутов, речка. Рядом с высокой прошлогодней золотистой травой на ее берегах тянулись к солнцу редкие светло зеленные ветви кустарника. Из воды, словно какие-то речные чудища, торчали черные коряги. Светлые небеса, отражаясь в воде, окрашивали речку в синий цвет. Небольшой мысок, поросший низкой молодой осокой, вполне мог быть тем местом, на котором сестренка Алenuшка оплакивала братца Иванушку.

Продолжением сказки могла бы стать деревенька, в которой мы оказались уже через несколько минут. Но только не той сказки, в которой царь жил в высоком тереме, а той, в которой жили дед и баба, ели кашу с молоком. На небольшой полянке стояло несколько деревянных домов с пристройками, среди которых неспешно

наслаждаясь вкусом сочной молодой травки, бродили овцы. Встреченные черным мохнатым псом, виляющим увешанным репьем хвостом, мы въехали в деревню. Бревенчатое строение под еще крепкой шиферной крышей с выцветшей табличкой «Продукты» над входом, с зияющей пустотой больших окон, памятник солдату с облезшим красный флаг в руках на порушенном кирпичном фундаменте, напоминали о недалеком прошлом.

Но металлические крыши, сверкающие новенькой краской наличники и палисадники, свежие жерди у заборов говорили о том, что деревенька по-прежнему живет. Дмитрий попросил остановиться у дома, рядом с которым стоял старый, прогнивший «жигуленок» без номеров. Видимо его использовали как мотоблок. Со словами:

«Передам Ивану святой воды с нашего источника. А заодно спрошу, как пройти к родникам», - Дмитрий, вылез из машины и, подойдя к дому, крикнул: «Хозяева. Дома кто есть?»

Вслед за черным котом, который подняв кверху хвост, чинно вышел со двора, в дверях появился невысокого роста, в ватнике и резиновых сапогах, мужчина. Между Дмитрием и местным завязалась беседа, из которой до меня доносились лишь обрывки фраз:

«Водицы привез ... , живем помаленьку ... , украинцы поселились, идти через лощинку ..., рады будем».

Передав мужику канистру с водой, светившийся во всю свою смолянистую с проседью бороду, Дмитрий вернулся в машину:

«Смотри, какое место, какие люди, здесь буквально витает дух старообрядцев».

Да, в моей душе все замерло. В тишине, которая нарушалась лишь многогласным щебетанием птиц, среди деревьев, прорастающих здесь по воле природы, под глубокой небесной синевой я ощутил внутреннюю силу, готовую вырваться наружу и творить, творить. Но было такое ощущение, что что-то более волнующее, сказочное еще впереди, там у источника.

«Найдем родник без Ивана?»

«Должны, главное найти лощинку, которая нас приведет к нему. Надо вернуться на дорогу».

Я даже не стал спрашивать на какую, так как был уверен, что в этот край ведет всего одна дорога, та по которой мы приехали. Без труда развернувшись на полянке под тремя тополями мы, оставив

неглубокий след на молодой сочной траве, выехали из деревни. Наш прежний знакомый, даже не встал с места, а приподняв мохнатую морду от земли, проводил нас взглядом своих темных задумчивых глаз. Наверное мы оторвали его от воспоминаний о его собачей жизни.

-«Смотри, она должна быть слева. Да вот она, очень похожа. Точно не помню. Ведь прошло уже несколько месяцев».

По обеим сторонам дорогу окружали заросли кустарника, переходящие далее в сплошной лес. Среди берез и сосенок нам надо было увидеть ту самую лощинку. Занятие трудное, но вполне выполнимое. По себе знаю, что увиденное ранее, при приближении к нему, каким-то образом напоминает о себе. Очевидно, именно так и произошло, ибо в том месте, где поверхность на небольшой полянке, поросшей лишь редким кустарником, стала уходить слегка на уклон, Димка оживленно вскрикнул:

-«Вот она лощинка. Дальше пойдем лесом».

Как по ковру ступая по мху и прошлогодней листве, мы углубились в лес. С каждым шагом обувь почти что бесшумно утопала в нем. Лучи яркого весеннего солнца, стоявшего в зените, с трудом пробивались сквозь еще молодые бледно-зеленые кроны берез, пытаясь прогреть землю. Рядом с могучими соснами и елями, не пропускающими солнечный свет, ощущалась прохлада с запахом прелой травы.

Совсем рядом, в зарослях орешника, прозвучало привычное, но каждый раз неповторимое:

-«Триль, триль, триль ...», - и небольшая птаха, потревоженная нами, вспорхнула и, слегка касаясь молодых веток, прорезала березняк и улетела ввысь.

Дальше лес становился неприветливым, даже агрессивным. Мохнатые еловые ветви цеплялись за одежду и пытались поцарапать лицо. Казалось, что они старались не пропустить нас к своему секрету, словно считая нас недостойными. Но это только придавало нам большей уверенности в том, что идем правильным путем. И наши труды вскоре были вознаграждены. Сразу же за зарослями ельника перед нами открылся глубокий овраг, и отчетливо послышался звук текущей воды. Внизу, сквозь невысокую поросль, просматривалась спокойная водяная гладь.

«Пришли. Точно. Пришли. Теперь надо найти дорогу к источнику», - Дмитрий, цепляясь за ветки, стал спускаться по крутому склону. С каждым шагом все отчетливее ощущалась прохлада и громче слышалось

журчание текущей воды. В самом низу на дне оврага перед нами открылась картина, сотворенная природой без участия человека. У наших ног из земли вытекала вода. Чистая, пенящая и переваливающаяся на поворотиках, она устремлялась под давно поваленную, отчего уже покрытую мхом, сосну, где встречалась с водами других родников. Здесь на наших глазах зарождалась речка, которая стала местом жизни многих ее обитателей. Тут же на стволе многолетнего вяза, оберегая исток жизни, обрамленная тряпичей, висела давняя, уже выцветшая с годами икона Царицы небесной. Образ уже трудно определялся. Но по всему походил на Казанскую икону.

«Вот она та самая икона Божьей матери, которую жительница деревни Салавир повесила много лет назад на молодом деревце. Это было в то время, когда в медвежьем углу жили старообрядцы. Данный исток они почитали и называли его «Мармос» - вспомнил я историю, которую мне в дороге рассказал Дмитрий.

«Интересно, почему он так называется? Дорога к нему давно заросла. Видно, что в наше время мало, кто приходит сюда. Вот бы здесь остановиться на ночлег», - размышлял я, стоя перед родниками. Не громкие слова Дмитрия:

«Воду будешь набирать?» - прервали мои думы. Открыв полиэтиленовую бутылку, я опустил ее в водоворот. Студеная вода, словно не желая втекать в нее, обжигая, огибала руку и устремлялась далее на встречу с другими водами. Но как она не убежала, бутылка все же заполнялась и тяжелела в моей руке. Не удержавшись от желания, я приложил прохладную бутылку к устам и сделал глоток. Холодная, режущая зубы вода, ворвалась в мое нутро. Следующие глотки воды уже текли легко, даже приятно. Утолив жажду, я присел на дерево у воды и огляделся. За моей спиной начинался поросший редкими деревьями и кустами крутой склон. А передо мной спокойная гладь, обрамленная сухим камышом, пронизанная маленькими кочками, покрытыми невысокой недавно выросшей осокой. Изредка на поверхности возникали разводы от упавших на воду жучков и мотыльков. Прохладный, насыщенный запахами воды и прелого дерева, воздух, словно не желая покидать родники, стоял без движения.

В следующий момент вся пойма вдруг поседела, окрасилась в серебристо-желтый цвет. Лучи, вышедшего из-за облака солнца, были

восторженно встречены чибисом, скрывающимся в прибрежных зарослях.

-«Чи-вы, чи-вы»

Затем со стороны леса донеслось:

-«Фью, фью, чиф, чиф, чиф, тррх, тррх ...».

Вся округа возликовала. Я ощутил себя легким, прозрачным, готовым взлететь. Как в том сне, в котором, поднявшись над землей, я, преодолев испуг, парил в вышине, то подымаясь вверх к солнцу, то опускаясь ниже, почти, что до самой земли. Рядом молча стоял Дмитрий. Наверно он испытывал что-то похожее. Весь обратный путь к машине мы преодолели незаметно, восторгаясь от увиденного, неоднократно вспоминая образы истока. Уже сидя в машине, я обернулся в сторону лощины и понял, что долго не забуду «медвежий угол» и решил, что постараюсь передать читателю мои впечатления о нем.

НОВОСЕЛОВ
Сергей Николаевич

37 лет
Родился в г. Меленки

Предисловие от автора.
Рассказы о Шутэне и его друзьях повествуют о жизни обычных людей, проживающих в одном небольшом городке. Герои попадают в различные ситуации: простые, иногда необъяснимые, а иногда совсем нереальные. Главный герой рассказов – Шутен получил свое имя благодаря тому, что в любой ситуации видит долю шутки, юмора и не унывает нигде и никогда. Нэтуш - лучший его друг. Имена других участников рассказов могут совпадать с именами реальных жителей любого городка.

КОШЕЛЕК

Шел как-то вечером Шутэн к Нэтушу. А пойти решил напрямик – через речку, по Козьему мостику. Идет себе, никого не трогает. Видит – у моста этого ошиваются трое подозрительных мужиков. Жареным запахло, но ничего – бывали пострашней ситуации.

Разговор у бандитов короткий:

- Привет!

- Привет!

- Давай кошелек!

- Так, он у меня в пакете, - говорит Шутэн.

- В каком пакете?

- Который в сумке.

- В какой сумке? У тебя же нет ни черта!

- Так та сумка в ящике.

- Что за ящик, блин!

- Ящик как ящик. В шкафу который.

- В каком еще шкафу?!

- Шкаф в квартире стоит.
- Ах, в квартире, значит.
- Да. А квартира в доме.
- Ёшкин кот! Чего за дом?
- Дом на улице стоит.
- На какой?
- Которая в городе.
- В каком городе?!
- Который в районе.
- В каком, блин, районе?!
- Который в области находится, которая входит в состав страны.
- Какой страны?
- Которая на планете Земля находится.
- А. Ну, да. Земля, она и в Африке – Земля.
- Земля в солнечной системе.
- Чего за система?
- Система находится в Галактике, которая во Вселенной летает.
- Ё-моё! Что за Вселенная?
- Вселенная, в которой есть наша Галактика.
- Галактика?!
- Ну, да. В которой есть наша Солнечная система, в которой планета наша есть.
- Земля?
- Да. На которой находится наша страна, в которой есть наша область, в которой есть наш район, в котором находится наш город, в котором есть улица, на которой стоит дом, в котором есть квартира, в которой есть шкаф, в котором есть ящик, в котором лежит сумка, в которой есть пакет, в котором лежит мой кошелек!
- Не-е! Ну, ты совсем запарил, чувак. Сказал бы просто, что нет кошелек с собой. Ступай себе, пока жив!
- Покедова, братва!
- Легко отделался, скажите. Да, верно. Тем более, что налички Шутэн по карманам распахивать любил, а в кошелек

его в основном, карточки пластиковые, дисконтные и прочие лежат.

Подальше прячьте ценности от взора любопытных!

МУХ

Здравствуйте! Это опять я – Шутэн.

Приятного аппетита всем, кто сейчас кушает. А что б не портить аппетит, отложите пока чтение. Дальше читайте после еды. А кто не ест – читайте сейчас.

Обедал я как-то дома. Ни что, вроде, беды не предвещало, но вдруг гляжу – в тарелке с супом барахтается муха. Искупалась, выползла на кусочек картошки, попила, пожрала и стала спокойно умываться. Я не брезгливый. Ну, выкинул бы эту нахлебницу, посыпал бы еще перчика острого и доел бы супчик вкусный. Но мелькнула у меня в голове мысль, что произойди это все в ресторане, можно было бы пожаловаться и получить выгоду. А кто же будет отвечать за это здесь? Ведь от мух я все щели закрыл.

Я заказал экспертизу. Эксперты, изучив муху, пришли к выводу, что та недавно залетела в мою квартиру с улицы. И, проведя осмотр, нашли в одной из сеток на окнах небольшое отверстие, в которое могла залететь муха. Я хотел получить компенсацию за испорченный обед у производителя сетки. Но те, проведя исследование дырки на своей продукции, пришли к выводу, что та образовалась из-за повышенного содержания в воздухе паров серной кислоты. Дальнейшая экспертиза дала заключение, что пары были из трубы находящегося недалеко небольшого химзавода. Но на том заводе объяснили, что все выхлопы с производства проходят очистку фильтрами, которые, как показала экспертиза, недавно заменили. Но за то эксперты увидели дефект на одной из деталей фильтра, через который в воздух попадали едкие пары серной кислоты.

Да, дела! Судя по клейму на той детали, сделана она была в цеху литья пластмасс, где как-то работал я. Честно говоря, верилось в это с трудом. Ведь там контролер отдела технического контроля – очень ответственная женщина, не

могла допустить бракованную деталь к дальнейшему использованию. И точно – на этой детали стояло не ее клеймо. Клеймо было, черт подери, мое! Да, иногда, когда наш контролер был в отпуске или на больничном, меня, как второго по ответственности в цеху, назначали замещать ее. И как раз, судя по дате производства, в тот рабочий день я был не выпавшись, а была отгрузка, и все работали в авральном режиме. Не мудрено в таких условиях, что я упустил из вида дефект на этой детальке.

В общем, в окончательном заключении экспертизы, виновным был признан я! И сам должен был компенсировать себе испорченный обед, плюс расходы на проведенные экспертизы и еще штраф за испорченный воздух. Хорошо еще, что ни кому больше не пришла мысль проводить расследование, как мне. Ведь мало-ли залетело мух в окна домов и квартир. И наверняка некоторые из них тоже попали кому-нибудь в еду.

Получается – сам себе я вырыл яму, в которую и свалился!

- Одно мне не понятно, Серега, почему ты назвал этот рассказ именно «Мух», а не «Муха»?

- Ну, это просто такой авторский ход. А вот взял бы, да и проверил, Шутэн, сам, какого пола было это насекомое. Провел бы экспертизу, а?

- Прикальываешься, Серый, а мне вот не до смеху было. Но если честно, судя по тому, с каким аппетитом ела муха мой суп – это действительно был мух.

Еще не сделав шаг, подумай, куда он заведет тебя!

ПЕРЕВОДЧИК

Красив и разнообразен наш русский язык. Жаль, что многие пренебрегают всей палитрой столь великого и могучего русского языка. Таким был лучший друг Шутэна - Нэтуш.

Нэтуш изъяснял свои мысли и пожелания на каком-то своем наречии, используя немного матерных и немного обычных слов. Понять его могли несколько человек. Во-первых – жена, прожившая с Нэтушем достаточно, чтоб запомнить его словарный запас. Во-вторых – Шутэн, который был знаком с

Нэтушем, хоть и не с детства, но уже давно. В-третьих – нет, больше никто, находясь в трезвом уме и светлой памяти, не мог понять сленг Нэтуша.

А однажды Нэтуш с супругой познакомились по переписке с парой из Германии. И позвали немцев в гости. А природа ведь у нас великолепна: леса грибные, поля ягодные, реки и озера рыбные - райские места!

Прикатили, в общем, к Нэтушу с Ольгой Ульрих и Марта для культурного обмена. Ну Ульрих, скорей отдохнуть приехал.

Жены сразу зависли где-то по своим делам. Марта неплохо изъяснялась по-нашему и обучала Ольгу своему языку.

А надо сказать, что Нэтуш был любитель порыбачить. Немцу-же только того и надо. Ульрих наш литературный язык очень даже знал и мог общаться, но Нэтуш с трудом мог понять литературный русский. А Ульриху было трудно понять наш обычный язык, да еще в транскрипции Нэтуша. Вот и пришлось Шутэну быть у них переводчиком. Ну, поздороваться-то они еще смогли, а вот дальше было туговато.

- Я приехал в ваши прекрасные места, - начал разговор немец, - хотел тут на отличной природе порыбачить. Мой хобби. Вы не могли бы быть так любезны помочь мне оказать в моей затее.

- Ни черта не врубился! – сказал Нэтуш.

- Ну че тут грузного. Ульрих причапал в нашу глушь рыбу подергать. Клевый клев ему обеспечить, - перевел Шутэн.

- Ха! Об чем, блин, базар, ё-моё. Будет чики-пуки. Вэ бэст оф о'кей! – ответил Нэтуш.

- Ну вот, уважаемый гость, мой друг готов вам сделать лучшую рыбалку, незабываемый полный о'кей, – объяснил Шутэн.

- Отлично, большое спасибо! Я хотел, только уточнить, чтоб рыбалка была на самых простых приспособлениях. Так говоря, по - старинному, без излишеств, - добавил Ульрих.

- Врубился, Нэтуш, что бы без приколов. Уда, леска и червяк! – перевел Шутэн.

- Ёу! Да, ежовый кот, я еще крюк с поплавком присобачу. – ответил Нэтуш.

Короче, худо-бедно договорились. Тут - же пошли в огород копать червей. Чем уж там Нэтуш удобрял свой огород, но за пару часов они выловили всего с десяток тощих червяков.

- Ха! На затравку попрет! – ликовал Нэтуш.

- Ну, друган, на первый улов хватит. - Перевел Шутэн немцу. А Нэтуш продолжал:

- Ух, с остатку опрокинем чарку!

- Ульрих, после такого дела неплохо б выпить чего-нибудь. Да и за нашу рыбалку заодно. – Более понятным языком сказал Шутэн.

Немец притащил какого-то вина из своего авто. В общем, Нэтуш его оставил на память, а выпивали они, опрокидывая чарки, бражку. Та еще не созрела, но была уже хороша. И надо же, чем больше опрокинуто было мензурок – Ульрих не отставал от друзей - тем легче они меж собой общались и понимали друг друга без перевода. Затем как-то умудрились уронить банку с червяками в чай с брагой.

Вот это была рыбалка! Трое хмельных рыбаков ловили в чане пьяных червяков! Наконец-то, ближе к вечеру, пошли за рыбой. Удивительно, но друзья наловили рыбешек (это не перевести с увиденного на слова) и очнулись уже под, нет, не под утро, а уже под полдень. Первым очухался Шутэн. Еще бы, ведь Нэтуш с Ульрихом спали в доме, а Шутэн - в будке у собаки, храпевшей рядом беспробудно. Видимо, надышалась перегара, бедняга. Продрав отяжелевшие веки, Шутэн выполз из собачьего домика и поковылял будить Нэтуша с гостем. Кое-как растормошил приятелей. Вспомнили про улов. Стали осматривать трофеи. В одном ведре, полном тины, Шутэн нашел рака, покрасневшего от неудачных попыток выбраться наружу. Со вторым ведром хуже – две дохлые лягушки и головастики. А в третьем щука доедала карася, не успевшего перепрыгнуть в чан с брагой, стоявший рядом с ведром. Зато те, кто успели туда перебазироваться, были уже навеселе. Три окуня и два карася хлестали друг дружку хвостами по мордам, а рядом плавал кверху пузом ерш, уже перебравший свою дозу. Полюбовавшись немного рыбьими боями, друзья выловили всех. Нэтуш - большой мастак в поваренном деле и рад бы сварить уху, да был

явно не в состоянии. Рыбешек временно поместили в бочки с водой. Щуку отдельно – в другую бочку, чтоб никого больше не сожрала.

А жены уже приготовили обед и наконец-то дождались мужчин за стол. Ульрих притащил аперитивчик, который выпили жены. А рыбацкая часть компании довольствовалась холодненьким пивом. Поправив здоровье, Нэтуш, Ульрих и Шутэн собрали и привели в порядок оставшиеся полуживые удочки, нарыли червяков, взяли вина и пошли опять на рыбалку.

Неделю рыбачил в наших краях немец. Понравилось ему. Обещал через год опять приехать. Переводчик ему с Нэтушем был уже ни к чему. А вот литературный наш язык Ульрих за это время успел, к сожалению, забыть.

Ловись рыбка большая и без костей!

ЧЕРВЯКИ

Однажды жили под землей несколько червяков. На поверхность они не могли выползти – земля сверху была очень твердая. Не видели они сроду неба, не дышали свежим воздухом. Так и жили они в подземелье, рыли ходы, норки, не мечтая даже выбраться наружу. Но был среди них один шустрый, да и телом худой, в отличие от всех остальных. И вот он с другом увидел небольшой лаз наверх. Полезть мог только он один. Сказал тогда толстый червяк:

- Давай скажем всем и попробуем вместе прорыть как-нибудь этот лаз пошире, что б все смогли пролезть.

Но тонкий не стал ждать всех, пролез сам на волю. Очень удивился тому, что увидел, надышался свежим воздухом, засмотрелся на небо, на птичек. Одна из птиц подлетела к нему и съела!

Долго звал толстый друга, но больше не видел его. Не стали больше червяки рваться наверх.

Да, выгодно быть эгоистом, но опасно!

СОДЕРЖАНИЕ:

СТИХОТВОРЕНИЯ

АЗИЗОВА Екатерина

<i>Открыв учебник ветхий по истории страны</i>	1
<i>Рождество</i>	2
<i>Сансара</i>	3
<i>Утро</i>	3

АЛЕКСАНДРОВ Геннадий Николаевич

<i>Взаимная любовь</i>	5
<i>Русское поле</i>	6
<i>Новое – это праздник!</i>	7
<i>Два главных слова</i>	7
<i>Общение</i>	8
<i>Красавица зима</i>	8
<i>Луга поймы реки Оки</i>	9

РИВЕРС (Жукова) Ирина

<i>Ждать безнадежно</i>	11
<i>А за окном снег кружит беспорядочно</i>	11
<i>Слушай милый</i>	12
<i>Мне уже даже не холодно</i>	12
<i>Девочка, ты ж не знала, что он не один</i>	13
<i>Моими словами, как лезвием вспорот</i>	14
<i>Сестре</i>	14
<i>Без завтра</i>	15
<i>В тебе столько любви, что и сам не рад</i>	15
<i>Забери его из моей головы, чертовка!</i>	16
<i>Пусть черной кошкой вцарапался в душу</i>	16
<i>Он играет, как кошка с мышкой</i>	16
<i>Нужно было раньше все прекратить</i>	17
<i>Когда надежды лопаются, как петарды</i>	18
<i>Я проснулась утром с трубкой в руке</i>	18

РЯБОВ Александр

<i>Прощай, наипрекраснейшая муза!</i>	20
<i>Всю прожитую жизнь я ждал чуда</i>	21
<i>Быть может разум мой пробудится</i>	22

СУВОРКИНА Мария

Мой отчий дом.....23
Немного о войне.....24
Кормилица земля.....26

РАССКАЗЫ

ЕРШОВ Виктор Евгеньевич

Встреча Новолетья в Иневеже.....28
Медвежий угол.....35

НОВОСЕЛОВ Сергей Николаевич

Кошелек.....42
Мух.....44
Переводчик.....45
Червяки.....48

